

Сопки слышат баритон

Рассказ

Антон Юрьевский

АНТОН ЮРЬЕВСКИЙ
Сопки слышат баритон

«Автор»

1995

Юрьевский А.

Сопки слышат баритон / А. Юрьевский — «Автор», 1995

Реальный случай из жизни. Реальный пример взаимопомощи. Воспоминания бывшего фронтовика.

© Юрьевский А., 1995

© Автор, 1995

Антон Юрьевский

Сопки слышат баритон

Дождь шёл давно и явно не собирался прекращаться. Осеннее утреннее небо было бесприсветно затянуто тяжёлыми тучами. От этого казалось, что вечер уже наступил. Камни на сопках, пропитанные водой от нескончаемого дождя, приобрели чёрный матовый цвет. Между сопкок извивалась узкая, местами разбитая, дорога с грубым шершавым асфальтом. Эта старая заброшенная дорога начиналась асфальтом и переходила в каменистую грунтовку. Дорога почти всегда безлюдна. За день иногда проезжала пару машин, но почти всегда никого.

После спуска с сопки, посередине дороги валялся мотоцикл. Недалеко от мотоцикла, на обочине, лицом вниз лежал человек. Его одежда промокла. Брюки и куртка на правой стороне тела порваны, виднелись раны. Человек пошевелился и стал осторожно ощупывать повреждённую ногу.

Он попытался сесть, но не получилось. Постанывая, он перевернулся и лёг на спину раскинув руки. Пролежав на спине какое-то время, он перевернулся на живот, встал на четвереньки и начал подниматься. Встав на ноги, он чуть не упал: повреждённая нога ударила резкой болью. Перенеся вес на здоровую ногу, он устоял.

Он снял расцарапанный мотоциклетный шлем и швырнул его на землю.

Это был молодой человек, лет двадцати пяти, среднего роста. Он стал осматривать и ощупывать себя так, как если бы он только-что приобрёл себе новое тело, играя роль в каком-то фантастическом фильме. Куртка, брюки на правом боку местами были разодраны до кожи, до крови, грубым «щербатым» асфальтом. От боли в ноге стоять он не мог.

Молодой человек посмотрел на крутой спуск дороги. Там, примерно на середине спуска, в тот момент, когда мотоцикл набирал приличную скорость, все и началось. В одно мгновение заднее колесо у мотоцикла заклинило, и он пошёл юзом. На скорости повалившись на асфальт, его стало крутить вместе с мотоциклом. Потом его отбросило от мотоцикла, и он покатился вниз как беспомощный манекен. Из разбитого асфальта торчали острые грани щебня. Они разодрали его одежду и до крови его тело.

Стоять было невыносимо. Допрыгав на одной ноге, он сел на большой плоский камень, вытянув вперёд повреждённую ногу.

Он не просто не любил мотоциклы, он их терпеть не мог. Но все-таки он его купил, пришлось. На машину денег не было. Надо было как-то добираться от нового места работы до дома. Глухие северные края. Регулярно здесь ничего не ездит. По этой старой заброшенной дороге до дома километров на сто пятьдесят короче. Но и по ней трястись без малого километров семьдесят.

Он пожалел, что оставил шлем на дороге. Через одетый капюшон волосы на голове промокли, а до шлема надо опять допрыгать или доползти. Посмотрев на беспомощно лежащий мотоцикл, от безнадёжности он плюнул на землю. До ближайшего городка километров двадцать пять – тридцать, не меньше. Ему не дойти. Надежда есть только на редкую в этих местах попутную машину.

Прошло несколько часов. Крупные капли дождя сменились на морось. Дорога оставалась пустой. Совсем промокнув, он допрыгал на одной ноге до шлема, а потом до мотоцикла. Вытащив из-под мотоциклетного сиденья плащ-накидку, он вернулся к своему камню.

Дождь прошёл и сопки закутались в туман. Быстро наступали сумерки. Силуэт лежащего на дороге мотоцикла уже с трудом различался. Выбрав для ожидания камень, на котором сидел, он прикинул, что успеет допрыгать до шоссе услышав звук приближающейся машины или заметив свет фар. Завтра понедельник и возможно, что кто-нибудь появится. Внутренне

настроившись ждать как минимум до утра, он надел шлем и укутался в военную прорезиненную плащ-накидку.

Стемнело, хотя по времени, ещё было не поздно. Иногда, в разрыве свинцовых облаков, осторожно высывалась луна и можно было различить дорогу и силуэт мотоцикла. Его начало знобить. Ни звука приближающегося автомобиля, никакого спасительного света фар.

***

Он не мог понять, что это может быть. Вокруг тишина, только лёгкий шёпот набегающего ветерка. Никаких звуков приближающейся техники слышно не было. Но в той стороне дороги, куда ему надо было ехать, появилась светящаяся точка. Загадочно резко и хаотично двигаясь в разные стороны, то ритмично покачиваясь, она медленно направлялась в его сторону. Через некоторое время из темноты, кто-то красивым баритоном начал громко петь военную песню. Молодой человек не шевелясь сидел на камне, ожидая появления приближающегося в темноте поющего незнакомца.

В ночной тишине стали отчётливо слышны усталые, пошаркивающие по асфальту шаги. Свет от фонарика, уставившись в лежащий посредине дороги мотоцикл, замер. Песня оборвалась.

– Есть кто-нибудь рядом? – громко спросил незнакомец густым баритоном, светя фонарём в разные стороны.

– Да, есть, – кашляя ответил ему молодой человек и зачем-то поднял левую руку вверх, вероятно полагая что так его в темноте заметят быстрее.

Луч фонарика прыгнул в его сторону.

– Это твой мотоцикл? – поинтересовался незнакомец.

– Да, мой. Я упал с него. Идти совсем не могу.

Незнакомец перешёл дорогу и хрустя гравием, спустился с обочины, направляясь к молодому человеку.

– Здравствуйте. Меня зовут Николай Николаевич, – представился он, направляя свет фонаря на себя чтобы его могли рассмотреть.

– Здравствуйте, Пётр.

Перед Петром стоял крепкий пожилой мужчина немного выше среднего роста. Под тёмным беретом улыбалось волевое лицо с аккуратными седыми усами. На нем был защитного цвета дождевик, под ним – выцветшая камуфляжная форма и свитер с высоким горлом. На ногах резиновые сапоги с отвёрнутыми бортами. В руке он держал полную корзину грибов.

– Петро, значит. Как моего товарища фронтового звали. Не обидишься на меня если я так тебя звать буду? – по-дружески спросил он.

– Нет, не обижусь.

Они пожали другу-другу руки.

– Вот и познакомились. Ёлки зелёные, да как тебя по дороге побросало! – воскликнул новый знакомый посмотрев на раны. – Идти то сможешь?

– Встать ещё как-то могу на одну ногу, а идти нет.

– А что с рукой?

– Рука сильно ноет, но двигать можно. Пальцами вот шевелить могу, – продемонстрировал Пётр.

– Дай я тебя осмотрю. Может будет больно. Терпи.

Николай Николаевич, сняв правый ботинок Петра, внимательно прощупал ногу, затем осмотрел руку.

– Попытайся встать на обе ноги. Можешь на меня опереться.

Пётр застонал.

– Покажи где больнее всего нога болит? – спросил Николай Николаевич.

– Вот здесь, в ступне. Боль от ступни стреляет чуть ли не до головы.

– Да, ёлки зелёные, нога похоже вывихнута. Точнее голеностоп. Опухла сильно. Будем надеяться, что перелома нет, но надо будет обязательно проверить. Сейчас в темноте особо не разглядишь. Ободранные раны заживут, это ничего. Так, Петро, ну-ка садись. Ты весь мокрый. И давно ты тут?

– Утром свалился.

– А машины были?

– Ни одной.

– Здесь если и проезжают, то только в будни. Я тут за грибами хожу, поэтому знаю. А вообще, это старая фронтовая дорога. С войны помню.

Пётр, опираясь на руку Николая Николаевича, уселся на свой пригретый от неподвижного многочасового сидения камень.

– Петро, снимай плащ-накидку и верхнюю одежду до пояса. Сейчас лечить тебя по-походному будем.

Он достал из кармана камуфляжной куртки помятую флягу и положил её на камень.

Пётр вопросительно посмотрел на Николая Николаевича и дыхнул в воздух показывая, что изо рта идёт пар, мол, не жарко.

– Снимай говорю, – решительно повторил он, быстро по – армейски снял с себя дождевик, куртку и свитер, оставаясь в майке.

Пётр разделся до пояса и его зазнобило ещё сильнее.

– Быстро свитер одевай на себя! – скомандовал он Петру.

– А как же вы?

– Без разговоров!

Николай Николаевич налил в ладонь водку и стал быстро под свитером растирать Петру спину. Затем ещё раз наполнил водкой ладонь и растёр ему грудь и живот.

Пётр одел на свитер свою влажную куртку и плащ-накидку. Николай Николаевич оделся, достал из кармана маленький пакет и вытащил из него бутерброды с сыром.

– Сделай несколько глотков, – он протянул Петру флягу с водкой. – И на-ка, закуси.

Тепло начало наполнять продрогшее тело. Петру стало лучше, озноб утих.

– Значит так, ёлки зелёные. Сейчас двенадцатый час ночи, – посмотрев на наручные часы начал Николай Николаевич. – Остаться здесь в надежде что машина поедет, нам нельзя. Во-первых, до утра точно никто не поедет. Даже если бы и решили мы остаться, то костёр не разжечь: мох мокрый, а деревьев ни сухих, никаких, тут в сопках нет. Да ты сам весь мокрый, тебе двигаться надо, тогда согреешься. А во-вторых, тебе побыстрее врачу показаться. Поэтому надо идти. До городка километров тридцать по дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.